

Александр Лейфер

«Бить по врагу слова должны...»

Очерк

В курганах книг,
похоронивших стих,
Железки строк случайно обнаруживая,
Вы
с уважением
ощупывайте
их,
Как старое,
но грозное оружие.

ПУСТЬ знакомые строки Владимира Маяковского будут эпиграфом к этому очерку о книгах, вышедших в Омске в годы войны. Они — свидетели того тяжкого времени. Они тоже работали на Победу, тоже боролись за мир.

Вот небольшая книга. Называется она «Вперед, за наше Лукоморье!», Омское издательство, 1942 год. Ее автор, Леонид Мартынов, не был еще тогда широко известным поэтом, лауреатом двух Государственных премий. Он работал в Омске, выступал перед красноармейцами, сотрудничал в окнах ТАСС, печатал в местных газетах антифашистские стихи, издал за годы войны четыре книги, подготовил еще две, которые вышли в 1945 году — сразу после Победы.

История книги «Вперед, за наше Лукоморье!» такова.

16 сентября 1942 года в очень популярной в годы войны московской газете «Красная звезда» была опубликована публицистическая статья Леонида Мартынова «Лукоморье». В ней автор обращался к своим землякам-сибирякам, сражавшимся на фронтах, призывал их защищать и отговевать советское Лукоморье.

Он писал:

«Живет сказочное Лукоморье! Эту землю не превратит в свою колонию палач Гитлер. Не загонит нас в горный камень, хоть и вообразил себя новоявленным Алек-

сандром Македонским! Герои советского Лукоморья вместе с братьями своими со всех других краев Советского Союза отважно борются сейчас с врагом, уничтожая немецкие орды, там, на западе нашей страны, и в Лукоморье азовском, южном. Вы, бойцы севера и востока, боретесь там и за свое зауральское Лукоморье! Ибо на Дону, на Волге, в предгорьях Кавказа решается судьба Урала, Иртыша, Оби. Потомки донского казака Ермака Тимофеевича, сибиряки, как за родной свой дом, бьются за приволжские степи, за Кавказские горы».

Сложное переплетение исторических образов и грозных реалий сегодняшнего дня, высокий патриотический накал статьи, непосредственное обращение к читателю — красноармейцу-сибиряку — все это обусловило успех «Лукоморья», вызвало немало откликов. Не случайно современный исследователь В. Дементьев считает эту статью «лучшим публицистическим выступлением Мартынова» военных лет.

Отклики шли прежде всего от земляков автора. Здесь сыграла роль стоявшая под статьей пометка: «г. Омск». Писатель В. Г. Утков (1912 — 1988) вспоминает по этому поводу: «Я помню, в той части, где я служил в то время и где было немало омичей и сибиряков, — как читали эту статью! Она была близка нам, читали ее так же жадно, как в то время читали газетные публикации И. Эренбурга!..»

Теперь вряд ли возможно установить, кому пришла в голову столь удачная мысль: соединить имевшую широкий резонанс статью и отклики на нее под одной обложкой, — может быть, самому автору (что скорее всего), а может, издательству. Но, как бы там ни было, в Омске вышло эта, не совсем обычная, книжка — «Вперед, за наше Лукоморье!», первую часть которой составила сама статья «Лукоморье», а вторую — письма с фронта, посланные после прочтения статьи в газете.

Вот некоторые из откликов.

По поручению своих товарищей написал письмо северянин, бывший директор Салехардского окружного Дома немца (то есть Дома культуры) техник-интендант Борис Манн. (Омская область простиралась тогда до Ледовитого океана, в нее входила и нынешняя Тюменская). До войны Манн был капельмейстером, ездил с концертами в отда-

ленные стойбища, но в 41-м как командир запаса добровольно ушел на фронт. В письме он рассказывает, как храбро дерутся его земляки-лукоморцы.

Пишут по поручению санроты Андреева Кайдалов и Журавлев:

«В небольшой землянке мы собрались, чтобы прослушать статью «Лукоморье».

Среди нас красноармейцы-украинцы, на чьей земле временно хозяйничает озверелый враг, красноармейцы родом с Кавказа, где идут ожесточенные бои. Но больше всего среди нас омичей — жителей Лукоморья.

Сейчас мы еще сильнее чувствуем любовь к земле нашей, которую мы здесь защищаем. Она для нас такая же родная и близкая, как и зауральское Лукоморье.

Написал в ответ на мартыновскую статью и командир полка П. А. Россомахин: «Прочел статью «Лукоморье»... У меня в полку есть командир хант т. Лазарев... Раньше ханты не служили в армии, а теперь рука об руку с нами бьют фашистскую сволочь».

А вот это письмо я хочу процитировать целиком. Имя его автора знакомо всем, кто любит поэзию.

«Упал снаряд. Нас засыпало землей... Не успели мы отряхнуться, как к нам принесли почту, газеты. И вот радость: «Лукоморье». Я слышу родные голоса... Снова я увидел сереброокую Сибирь. Увидел моих сибиряков. Увидел мои города. Увидел мой Енисей, мой Иртыш, мой навсегда родной Абакан...

Этого не забыть!

Чем сильнее гул орудий, чем сильнее схватки с противным врагом, тем яснее в мыслях вижу мою Сибирь. Ее хлеб дает силы моим окопным друзьям. Ее руда тоннами летит на головы врагов. Ее леса мы ощущаем, сжимая глянцевитое цевье автомата. Вот она, могучая Сибирь. Мы видим ее здесь, под Ленинградом, ломающую железную блокаду немцев.

Статья напомнила о сибиряках — любимцах Петра Первого. Петр Первый жив. Бойцы Ленинградского фронта видят город, стеною вставший на берегах Невы. Этот город стоит не затем, чтобы грязный тевтон разрушил его. Дух Петра воплощен здесь в каждом камне. Мы, сибиряки, снова пришли... Пришли сибиряки. Не быть черной блокаде. Рвутся снаряды. Это Сибирь обрушилась

на головы немцев. Сибирь пришла, чтобы победить. Она победит!

Младший лейтенант Георгий Суворов».

Георгий Суворов — уроженец Красноярского края, коренной сибиряк, он проходил действительную службу перед войной в Омске, писал стихи, подавал как поэт большие надежды, участвовал в местной литературной жизни. Из Омска он ушел на фронт и погиб под Ленинградом. После смерти стихи его много раз печатались. Это честные, искренние и мужественные стихи. Одна из его книг была в 1967 году удостоена премии имени Николая Островского. Разумеется, Мартынов и Суворов хорошо знали друг друга: перед самой войной Леонид Мартынов посвятил своему младшему собрату по перу большую статью в местной газете. И, может быть, это стихотворение родилось у поэта-воина именно после чтения статьи «Лукоморье» — роднящее письмо и стих текстовое совпадение налицо:

Прощай, Сибирь!

Прощайте, горы, полные сиянья,
Прощай, моя лесная сторона,
Ты — вечная небес голубизна,
Прощайте вы, стоцветные преданья,
Прощай, — в моих глазах, в моем сознанье
Всегда цвела ты, даже холодна...
И на снегу, как на волне сукна,
Я рисовал свои повествованья,
Прощай! Я слышу зов и мчусь душою
Туда, где раздались раскаты боя,
Где сердце Родины сосет упырь...
Прощай, прощай, о, сторона родная,
Мы встретимся, надежды не теряю,
Моя сереброокая Сибирь!

Годом раньше, чем книга «Вперед, за наше Лукоморье!», вышла другая книга Леонида Мартынова — «За Родину» (Омск, 1941). Это книга стихов-агиток, стихов — сатирических пощечин фашизму. Стихов, собранных с газетных страниц под одну обложку самим временем.

Именно временем. Поэтому в книгах тех лет важно все, любая деталь. Оказывается, редактировал «За Роди-

ну» Сергей Григорьевич Тихонов — тогдашний главный редактор Омского издательства. О нем стоит рассказать подробнее.

С. Г. Тихонов вначале редактировал омскую окружную газету «Рабочий путь», затем, после образования Омской области, стал заведующим отделом партийной жизни «Омской правды». Последняя его должность — директор Омского издательства. С этого поста он и ушел на фронт.

Имя Тихонова золотом выбито на мемориальной доске, установленной в омском Доме печати. Оно навечно проставлено среди имен сибирских литераторов и журналистов, погибших на войне.

Я беседовал с вдовой Тихонова — Тамарой Константиновной, рассматривал немногочисленные документы и фотографии.

Биография Тихонова типична для людей его поколения. Родился в 1900 году в Самарской губернии. Отец его, железнодорожный телеграфист, участвовал в революционном движении, неоднократно подвергался арестам. В тюрьме он заболел туберкулезом и умер, когда Сергею было восемь лет. Несмотря на большие материальные трудности, матери удалось дать сыну среднее образование.

«Февральская революция 1917 года, — пишет в автобиографии Тихонов, — окрылила меня. Ни одного собрания Совдепа и вообще многих и разнообразных собраний я не пропускал. Речи ораторов запечатлевались с поразительной ясностью. Любимец челябинских рабочих — спокойный и талантливый Цвиллинг — был и моим любимцем».

Потом был Октябрь. После чехословацкого мятежа Сергей вынужден был уехать в Барнаул, затем судьба забрасывает его в Семипалатинск. С приходом в город Красной Армии он вступает добровольцем в 315-й Акмолинский стрелковый полк, участвует в разгроме Анненкова, Дутова, Бакича.

Участвовал в боях с басмачами в Средней Азии. Демобилизовался в 1922 году. Тихонова направляют на журналистскую работу.

Как литератор Тихонов работал довольно активно. Например, печатался в журнале «Сибирские огни» и в других изданиях. Писал на самые разнообразные темы и в самых разных жанрах.

Тихонов играл значительную роль в литературной жизни предвоенного Омска. Ее активный участник — В. Г. Утков — вспоминает, что он помогал литераторам в связях с властями, содействовал работе областного литобъединения, часто выступал в газетах по этим вопросам.

Началась война. Сергей Григорьевич уходит на фронт. Сохранилась его последняя фотография: он в очках, лицо очень гражданское, снялся на прощание вместе с женой, одет уже в военную форму: был конец 1941 года.

И вот письма с обратным адресом: «Действующая армия». Одно из них:

«Немцы — вшивые фрицы — жгут наши русские деревни. По ночам на горизонте в западном направлении видно кровавое зарево пожаров. Наш ответ на гнусные зверства фашистов — беспощадная месть, никакой пощады захватчикам».

Последнее письмо датировано 15 февраля 1942 года. На следующий день Сергей Григорьевич Тихонов погиб. Но навсегда останется он в памяти тех, кого защищал, как навсегда остались в газетных подшивках его очерки, статьи и репортажи. Как навсегда останется в выходных данных мартыновской книги его имя. Должно быть, это было последнее издание, которое он успел отредактировать.

И надо сказать, что поэт Мартынов и редактор Тихонов сделали интересную книгу: довоенный — неторопливый, но полный внутренней силы и страсти «Тобольский летописец», а впереди — яростные, дымящиеся, кровоточащие публицистические стихотворения: «Товарищ, гражданин и брат!», «Мы встали за Отечество», «Вурдалаки», «Капитан Гастелло».

Во дни войны

На фронте, мужества полны,
Дерутся Родины сыны,
И этим мужеством полна
Ты, вся великая страна!
Все для победы над врагом!
Не думай ни о чем другом,
А только о стране родной!

Работай так, чтоб дрогнул враг,
Стремись к тому, чтоб каждый шаг
Был в пользу для родной страны
Во дни войны.
И сказано быть не должно
Впустую слово ни одно —
Бить по врагу слова должны
Во дни войны.
И даже ночью, в чутком сне
Ты должен помнить о войне,
И, встав, упорным быть втройне,
Как на войне.

И слова, и статьи, и книги, выходявшие «во дни войны», именно били по врагу.

Следующее омское издание — небольшая брошюра В. И. Стрельского «Сибирь в Отечественной войне 1812 года». Издана в 1942 году.

Автор, работник Омского архива, подчеркивает, что в дни войны повысился интерес к героическому прошлому нашей Родины. Подняв никогда не публиковавшиеся документы, он рассказывает об участии сибиряков в войне с Наполеоном.

Вот как оценивает брошюру Стрельского автор предисловия к ней Б. М. Волин:

«...Впервые публикуемые в брошюре т. Стрельского материалы об участии Сибири в Отечественной войне 1812 года представляют значительный интерес...

Далекая холодная Сибирь и ее многочисленные народности во главе с русскими людьми живо переживали происходящее на другой, западной стороне Отечества. Сибиряки — русские и нерусские люди — жертвовали своим добром, добровольно шли в ополчение и армию, проливали кровь и отдавали жизнь свою во имя победы над опаснейшим врагом, угрожающим самим основам национальной самостоятельности России».

Кстати сказать, весьма интересно и то, что Омское книжное издательство нашло возможность пригласить редактировать брошюру и писать к ней предисловие про-

фессора Бориса Михайловича Волина (Фрадкина) (1886 — 1957). Он — участник революционного движения, член партии с 1904 года, был на руководящей партийной и государственной работе. Автор нескольких книг.

Документы, которые цитирует В. И. Стрельский, просто поразительны.

1812 год. Идет запись добровольцев, или, как тогда говорили, «жертвенников», в народное ополчение. Тобольский губернатор фон Брин сообщает, что жители большинства тобольских волостей, «движимы будучи усердием к общему благу сделали приговоры, что... все вообще способные носить оружие... готовы вступить в ополчение для защиты отечества».

Проводится сбор пожертвований. Иркутский губернатор Трескин докладывает, что деньги на народное ополчение поступили от населения «без всякого с моей стороны возбуждения, сверх всякого чаяния».

В фонде сибирского генерал-губернатора автор брошюры разыскал сообщение, присланное вице-губернатором из Томска: «...вдова подпорутческая жена Татьяна Кошкарова словесно объявила, что она имеет у себя никуда еще не определенного сына Михаила шестнадцати лет..., а ныне жертвует отдачею его для продолжения воинской службы на вечное служение в армейские полки... Ныне ее Михайло объявил таковое ж вышеописанное желание».

Рассказывается в книжке и о героизме сибиряков, проявленном непосредственно в бою. Говорится, например, о 24-й сибирской дивизии, защищавшей на Бородинском поле батарею Раевского и погибшей целиком во главе со своим командиром Лихачевым.

Нужнейшее и благороднейшее дело сделал семитысячный тираж этой скромной брошюры. Читателю напомнили о славе предков, призывающей быть достойным ее, помогали ощутить историзм происходящего вокруг.

Поиски сведений о В. И. Стрельском привели меня к его дочери — сотруднику Института истории Академии наук УССР Л. В. Шевченко. Вот ее письмо, полученное мной в ноябре 1986 года:

«С большой грустью сообщаю Вам, что мой папа — Стрельский Вячеслав Ильич скончался вот уже более трех лет назад — 11 августа 1983 года. После его смерти я за-

нимаюсь передачей его творческого наследия (рукописи, переписка, биографические документы, фотографии и др.) в архив, где создан специальный фонд. Сейчас мы пытаемся сделать его библиографию и опубликовать ее.

С 1944 г., после возвращения из Омска, он работал в Киеве директором ЦГИА УССР (с 1944 по 1947), одновременно работал на вновь созданной кафедре архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин Киевского университета, заведовал ею с 1945 г. до конца жизни. Доктор наук, профессор, автор более 120 научных трудов, в том числе — нескольких учебников по источниковедению истории СССР.

Делаю выписки из его автобиографии. В январе 1942 г. он был направлен в Омск, где работал старшим научным сотрудником Архивного отдела УНКВД по Омской области. Наряду с организационной работой, по заданию Б. М. Волина им были срочно подготовлены две книги «для поддержания боевого патриотического настроения советских воинов формирующихся дивизий на Сталинградский фронт»: «Сибирь в Отечественной войне 1812 г.» (Омск, 1942) и «Сибирь в Великой Отечественной войне» (Омск, 1943). Одну из них В. И. Стрельский лично доставил в сражающийся Сталинград генералу Гуртьеву. Кроме этих, были написаны еще книги: «Великая Отечественная война и Сибирь» — в соавторстве с В. Дуловым (Иркутск, 1944), «Патриотические традиции сибиряков», был опубликован ряд статей на эти же темы в «Историческом журнале» и в омской газете «На страже». Обагренная кровью неизвестного советского воина и прошитая пулей фашиста книга «Патриотические традиции сибиряков» экспонировалась в Центральном музее Советской Армии в Москве.

Кроме того, он был также пропагандистом, прочитал более 100 лекций в воинских частях, в госпиталях, на предприятиях, выступал по радио».

Библиография трудов В. И. Стрельского, о которой упоминает его дочь, вышла. Конечно, нашла в ней место и омская книжка 1942 года, и другие его омские работы военного времени. А вот некоторые факты из вступительной статьи (автор Ю. Э. Данилюк).

Родился в 1910 году в Курске, в семье железнодорожного служащего. Его отец И. Д. Стрелков-Стрель-

ский был одним из организаторов единственного в России провинциального театрального издания — журнала «Курский театр», в котором участвовали Ф. И. Шаляпин, М. Г. Савина, М. Н. Ермолова. Встречался в тридцатые годы с А. В. Луначарским, Н. К. Крупской, А. В. Косаревым. После Омска, вернувшись в феврале 1944 года на Украину, участвует в работе оперативных групп НКВД, спасавших документы своевременно не эвакуированных архивов и параллельно искавших документы откатившихся на запад фашистов. В Ровенской области группой, в которую входил Стрельский, был найден архив рейхскомиссара Украины Эриха Коха. Бумаги из этого архива фигурировали на Нюрнбергском процессе.

Таковы штрихи жизни человека, трудившегося в нашем городе в тяжкие дни военного лихолетья и написавшего книжку для бойцов генерала Гуртьева об их далеких предшественниках — героях славного 1812 года.

А вот цитата из другой небольшой книги — книги совсем иного рода:

«Поверхность метеоритов неровная, частично с характерными углублениями (называемыми регмаглинтами) вроде вдавленных отпечатков, производимых пальцами в сырой глине или в густом тесте. Это — следы высверливающего и режущего действия воздуха при стремительном полете метеорита».

Это абзац из брошюры-инструкции члена Комитета по метеоритам Академии наук СССР профессора Петра Людовиковича Драверта «Метеориты, наблюдение над их падением и их поиски». Издано Омским областным музеем в 1944 году.

Коллега Драверта по работе в музее — краевед Андрей Федорович Палашенков — в годы войны тоже выпустил две небольшие брошюрки. Первая, вышедшая в 1943 году, называется «Собирайте материалы о Великой Отечественной войне советского народа».

На ее первой страничке читаем:

«На нас — современниках и участниках Великой Отечественной войны — лежит долг возможно полно запе-

чатлеть ее и ее участников, сохранить для грядущих поколений все, что будет будить воспоминания о замечательных днях и славных героях освободительной войны».

И эта брошюра-листочка, несомненно, способствовала тому, что в Омском музее появилось немало экспонатов, рассказывающих о войне с фашизмом, и много лет спустя, на улице Таубе, его филиал — Музей воинской славы омичей.

Продолжим наш разговор. Но продолжим по-иному:

Я спала, во сне видала
Черную смородину,
Мой миленочек на фронте —
Защищает Родину.

У меня платочек есть —
Не буду подвязывать!
Пошлю милому в окопы
Раны перевязывать.

Это частушки из брошюры А. Ф. Палашенкова «Песни советской девушки в дни Великой Отечественной войны». Издано в 1943 году. Собиратель совершенно справедливо пишет: «Не было в истории нашей Родины замечательного события, которое не нашло бы своего отражения в песне народной».

Есть еще примечание, в котором сказано, что записаны частушки осенью 1942 года от Марии Матющенко из деревни Кормиловки.

И в заключение брошюры — призыв: «Записывайте песни и сказания о Великой Отечественной войне советского народа и высылайте их в адрес Омского областного музея».

Таковыми были некоторые из книг войны, выходявших в нашем тыловом сибирском городе. Небольшие, напечатанные далеко не на лучшей бумаге, они и в самом деле воспринимаются теперь нами в соответствии со строками Владимира Маяковского — «как старое, но грозное оружие».